

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

Д.О. Вышелесский

**Борьба древнерусской церкви с
остатками язычества в строевом
семейном и общественном**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1896. № 1-2. С. 93-117.*

 Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Борьба древне-русской церкви съ остатками язычества въ строѣ сеmейномъ и общественномъ¹).

I.

ИЗВѢСТНО, что св. равноапостольный князь Владіміръ, самъ крестившись въ Корсунѣ, по возвращеніи въ Кіевъ, ниспровергъ здѣсь идоловъ и затѣмъ повелѣлъ креститься и всѣмъ кіевлянамъ: „аще не обрящется кто заутра на рѣцѣ, говорили отъ его имени посланные имъ, богатъ ли, или убогъ, или нищъ, или работникъ, противенъ мнѣ да будетъ. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре пріяли“²). Подобнымъ же образомъ, т. е. при содѣствіи княжеской власти, совершилось обращеніе язычниковъ и по областямъ: „и нача, говоритъ про Владіміра лѣтопись, ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещеніе приводити по всѣмъ градомъ и селомъ“³). Объ этомъ же фактѣ сохранились и другія лѣтописныя извѣстія. Такъ извѣстно, что Владіміръ, сопровождаемый двумя епископами, ходилъ въ землю Сузdalскую и насадилъ тамъ христіанство; извѣстно также, что его дядя Добрыня съ тою же цѣлью сопровождалъ въ Новгородъ и Ростовъ первого кіевскаго митрополита Михаила и нѣсколькихъ епископовъ⁴); съ тою же цѣлью, какъ можно думать, Владіміръ поспѣшилъ раздачей удѣловъ своимъ сыновьямъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ того, что въ лѣтописи, вслѣдъ

¹) Два религіозно-нравственныхъ чтенія въ ставропольской духовной семинаріи: 12 и 19 марта 1895 г.

²) «Сводная лѣтопись», изданная Лейбовичемъ, стр. 86.

³) Тамъ же, стр. 87.

⁴) Тамъ же, стр. 90—91. Ср. «Истор. рус. церкви», Макарія, т. I, стр. 6—9.

за извѣстіемъ о крещеніи кіевлянъ, сообщается извѣстіе¹⁾ о разсылкѣ великимъ княземъ своихъ сыновей по удѣламъ—съ миссіею, очевидно, укрѣплять тамъ сѣмена новой вѣры. Такимъ образомъ „можно думать, говоритъ преосв. Макарій въ своей „Исторіи русской церкви“, что св. вѣра насаждена еще при св. Владимірѣ во всѣхъ тѣхъ городахъ и областяхъ, которые онъ роздалъ дѣтямъ своимъ въ удѣлы,—и следовательно, кромѣ Новгорода и Ростова,—въ Полоцкѣ, Туровѣ, землѣ Древлянской, Владимірѣ-Волынскомъ, Смоленскѣ, Псковѣ, Луцкѣ, Тмутаракані и въ предѣлахъ Муромскихъ²⁾.

Изъ приведенной здѣсь исторической справки о введеніи христіанства въ Россіи видно, что оно насаждалось у насть при содѣйствіи княжеской власти, насаждалось быстро, но зато и поверхностно—безъ всякой предварительной подготовки язычниковъ для его воспринятія. Отсюда происходило то, что сѣмена христіанской вѣры заглушались у новыхъ христіанъ остатками язычества, или, по крайней мѣрѣ, такъ переплетались съ послѣднимъ, что чрезъ это искажался смыслъ самаго христіанства. Тяжелая задача очистить отпрыски христіанства отъ языческихъ терній и выпала теперь на долю православной русской церкви. Поддерживаемая княжеской властью, она ревностно принялась за выполненіе этой задачи и скоро выдѣлила изъ себя и великихъ святителей-миссіонеровъ, напр. св. Леонтія и Исаію, ростовскихъ чудотворцевъ (XI в.),—и знаменитыхъ подвижниковъ, каковы, напр., препод. Антоній и Феодосій Печерскіе, славная обитель которыхъ и послѣ нихъ служила долгое время школой подвижничества для русскихъ людей,—и замѣчательныхъ для своего времени проповѣдниковъ: митрополита Иларіона, пр. Феодосія, Луку Жидату, а въ XII в.—знаменитаго Кирилла Туровскаго,—и своихъ мучениковъ въ лицѣ Бориса и Глѣба, св. Леонтія Ростовскаго и др.; въ русской церкви появились мощи многихъ русскихъ святыхъ, напр. Бориса и Глѣба (1020), пр. Феодосія Печерскаго (1091), св. Леонтія, Исаіи, Авраамія ростовскихъ (XII в.), псковскаго князя Всеволода—Гавріила (1192),—чудотворныя иконы: икона Богоматери Печерская,

¹⁾ Тамъ же, стр. 86—88.

²⁾ «Исторія русск. церк.» Макарія, т. I, стр. 10.

принесенная изъ Греціи около 1073 г. мастерами, строившими Печерскій соборъ; икона Богоматери Смоленская (Одигитрія), присланная въ XI в. изъ Константинополя князю Всеволоду Ярославичу (сыну Ярослава Мудраго), когда онъ былъ княземъ въ Черниговѣ, а потомъ перенесенная сыномъ Всеволодовымъ, знаменитымъ Владиміромъ Мономахомъ, въ смоленскій Успенскій соборъ (XII в.); икона Богоматери Владимірская, принесенная въ XII в. (около 1131) изъ Константинополя въ Кіевъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ Андреемъ Боголюбскимъ перенесенная во Владиміръ на Клязьмѣ, и многія др.; въ распоряженіи церкви были школы, заводившіяся со временъ уже Владимира св. и Ярослава Мудраго. Однимъ словомъ, въ XI и XII в. русская церковь была вооружена уже всѣми нравственными и благодатными средствами для борьбы съ язычествомъ, въ виду которыхъ послѣднее, несмотря на свою внѣшнюю силу, сразу почувствовало свое внутреннее безсиліе предъ христіанствомъ, что и выразилось краснорѣчию въ народной легендѣ о томъ, какъ перевелись богатыри на св. Руси: по сознанію самого народа, богатыри физической силы, какъ наслѣдие старого язычества, не могли уже существовать тамъ, где проявлялась сила не здѣшняя, где дѣйствовали великие подвижники духа!...

Но церковь не ограничилась одними нравственными и благодатными средствами въ борьбѣ съ язычествомъ; она выступила противъ него и при помощи положительного законодательства—какъ церковнаго, бывшаго въ ея собственномъ распоряженіи, такъ и гражданскаго, слагавшагося въ то время подъ ея сильнымъ вліяніемъ. При помощи первого она повела борьбу съ остатками язычества въ строѣ семейномъ, при посредствѣ второго—съ остатками его въ строѣ общественномъ. На этой-то борьбѣ древне-русской церкви съ язычествомъ въ семействѣ и обществѣ на почвѣ положительного законодательства, какъ предметъ менѣе известномъ, а между тѣмъ вполнѣ глубокаго интереса, мы и намѣрены остановить вниманіе. Слѣдя дѣленію самой темы, избранной для чтенія, мы скажемъ въ нынѣшній разъ о борьбѣ церкви съ остатками язычества въ семействѣ, но предварительно сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о томъ законо-

дательствѣ, при помощи которого она вела эту борьбу, его составѣ и особенностяхъ, чтобы не отвлекаться потомъ какими-либо разыясненіями по этому предмету отъ главнаго предмета рѣчи.

Междѣ церковными законами, регулировавшими семейную жизнь русскихъ христіанъ, на первомъ мѣстѣ нужно поставить, конечно, такъ называемую Кормчую книгу. Древне-русская Кормчая книга есть не что иное, какъ переводъ греческаго Номоканона, т. е. свода законовъ церковныхъ и нѣкоторыхъ гражданскихъ по дѣламъ церковнымъ, заимствованныхъ изъ кодекса Юстиніана. Переводъ Номоканона былъ сдѣланъ у насъ очень рано: во времена Ярослава Мудраго и сына его Изяслава у насъ существовали уже переводные списки его ¹⁾). Но наши номоканоны или кормчіи, сравнительно съ греческими, имѣли нѣкоторую особенность. При нихъ, цѣликомъ или въ отрывкахъ, помѣщались сборники нѣкоторыхъ византійскихъ гражданскихъ законовъ, изданныхъ византійскими императорами для болѣе удобнаго пользованія громоздкимъ законодательствомъ Юстиніана, изложеннымъ при томъ, за исключеніемъ нѣкоторой части его (новелль), на языкѣ латинскомъ, болѣе и болѣе забываемомъ на Востокѣ. Сборники эти были: 1) Эклога (т. е. „извлеченіе“ изъ законовъ) Льва Исаврянина и сына его Константина Копронима, иконоборческихъ императоровъ VIII в., помѣщавшійся въ нашихъ кормчихъ подъ нескладнымъ заглавіемъ: „Леона царя Премудраго и Константина вѣрною царю главизны о совѣщеніи обрученія и о брацѣхъ и о иныхъ различныхъ видахъ“, и 2) Прохиронъ (т. е. „Руководство“ къ законамъ) Василія Македонянина, православнаго императора IX в., помѣщавшійся въ кормчихъ подъ заглавіемъ: „Закона градскаго главы различны“. Въ древнѣйшихъ нашихъ кормчихъ, явившихся въ готовомъ переводѣ изъ Болгаріи, отрывки изъ Эклоги и др. гражданскихъ законовъ Византіи помѣщались подъ заглавіемъ: „Законъ судный людемъ царя Константина.

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ Зиновій Отенскій, инокъ XVI в., который говоритъ, что онъ самъ видѣлъ два перевода Номоканона изъ времени названныхъ князей.

Великаго¹⁾). Эти сборники законовъ чисто гражданскихъ присоединялись къ нашимъ кормчимъ на томъ несомнѣнно основаніи, что они заключали въ себѣ узаконенія образованійшаго въ то время государства по разнымъ вопросамъ гражданскаго быта, которыя могли служить отличнымъ руководствомъ для нашихъ пастырей при переустройствѣ русскаго общества на христіанскихъ началахъ, каковая задача, при неопытности нашихъ первыхъ князей, естественно выпадала на ихъ долю.

Но Номоканонъ, не смотря на высокія достоинства своего законодательства, былъ все же законъ иноземный, который нуждался въ приспособленіи къ своеобразнымъ условіямъ русской жизни. Сложившись въ Византії, государство самодержавномъ, онъ естественно ограничивалъ сферу дѣятельности церкви дѣлами чисто церковными, между тѣмъ юное и неблагоустроенное общество русское требовало, наоборотъ, самаго широкаго воздействиѣя церкви на гражданскую жизнь. Этой потребности и удовлетворилъ великий князь Владимиръ изданиемъ своего церковнаго устава²⁾). Въ немъ онъ расширилъ кругъ дѣлъ, очерченный для церкви византійскимъ Номоканономъ. Такъ, къ церковнымъ преступленіямъ, подлежащимъ суду церкви по Номоканону, каковы: волшебство, еретичество, соблюденіе языческихъ обрядовъ, разводъ, святотатство и под., онъ прибавилъ: проступки противъ родительской власти („отца или матерь бѣть сынъ или дчи“), споры между мужемъ и женой обѣ имуществѣ („промежи мужемъ и женой о животѣ ихъ“), споры дѣтей о наслѣдствѣ („или сестры или дѣти или племя тяжутся о наслѣдствѣ“). Точно также былъ расширенъ, сравнительно съ византійскимъ законодательствомъ, кругъ лицъ, подлежащихъ вѣданію церкви, именно: кромѣ духовныхъ лицъ собственно, какъ это было въ

¹⁾) Эклога, *Прохиронъ* подъ вышеприведенными заглавіями и Законъ судный людемъ вошли и въ печатную Кормчую, изд. при патр. Иосифѣ (1650 г.) и исправленную при Никонѣ въ 1653 г., составивъ въ ней главы: первая—50, второй—49, третій 46.

²⁾) Уставъ Владимира см. въ «Сводн. лѣтописи» Лейбовича, приложеніе 3-е; въ «Исторіи» Карамзина, въ примѣч. 506 къ т. I, гл. 10-й; въ «Исторіи Русской церкви», Макарія т. I, примѣч. къ гл. 4, где онъ напечатанъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ.

Византії, вѣдѣнію церкви, по уставу Владимира, подлежало еще: просвирница, паломникъ, прощеникъ—получившій исцѣленіе у св. мѣстѣ (объясненіе Карамзина), задушный рабъ, освобожденный господиномъ для спасенія своей души, лѣчецъ, т. е. врачъ, хромецъ, странникъ, также больницы, страннопріимницы: „то люди церковные, богадѣльные“. Наконецъ, уставъ расширилъ власть церкви надъ подчиненными ей лицами: она вѣдала ихъ не только по дѣламъ церковнымъ, но и по гражданскимъ; только въ случаяхъ столкновенія ихъ съ людьми не-церковными надъ ними былъ „судъ обчій“.

Расширяя власть церкви надъ обществомъ, уставъ князя Владимира допустилъ однако одинъ важный пробѣлъ въ своихъ постановленіяхъ: онъ не опредѣлилъ,—можетъ быть по снисхожденію къ немощамъ новыхъ христіанъ,—никакихъ гражданскихъ наказаній за проступокъ противъ нея и такимъ образомъ оставилъ ее безсильной, съ однимъ Номоканономъ, въ борьбѣ съ грубыми пороками язычествующаго общества. Чтобы она скорѣе могла принести благотворные результаты, для этого, очевидно, нужно было уничтожить указанный пробѣлъ и подкрѣпить ее материальной властью. Живой примѣръ въ этомъ отношеніи представляла намъ Византія. Тамъ постановленія ея поддерживала свѣтская власть и жестоко карала за всѣ преступленія противъ нея. Такъ, по „Прохирону“ Василія Македоняніна, или по „Закону градскому“, какъ онъ назывался въ нашихъ кормчихъ, смертная казнь слѣдовала за чародѣянія, волшебство, призываніе бѣсовъ на вредъ людямъ, за похищеніе женщины или дѣвицы съ оружиемъ въ рукахъ; за другія преступленія слѣдовали члено-вредительныя наказанія, напр.: за прелюбодѣяніе съ кумой—„обѣма носа да урѣжутъ“, „иже мертвыи во гробѣ совлачатъ—да отсѣкутся руки имъ“ и т. д.¹⁾). Наша церковь гораздо въ большей степени, чѣмъ греческая, нуждалась въ дѣятельной поддержкѣ со стороны гражданскаго правительства; поэтому наши князья не могли не послѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру Византії. Но только они не могли оказать содѣйствія церкви въ

¹⁾ См. Законъ градскій, грань 39-я, гл. 1, 20, 21, 40, 57, 63, въ Кормчей, гл. 49.

той формѣ, какъ это было въ Византіи, потому что ни смертной казни, ни членовредительныхъ наказаній наше общество не знало. Нужно было, следовательно, оказать его въ русской формѣ. Наше обычное право, какъ мы знаемъ изъ договоровъ Олега и Игоря съ греками, допускало наказаніе виновныхъ пенями; это же наказаніе наши князья рѣшились примѣнить и къ церковнымъ преступленіямъ. Это сдѣлалъ именно Ярославъ Мудрый въ своемъ церковномъ уставѣ¹⁾). Изданіемъ его онъ восполнилъ такимъ образомъ недостатокъ устава св. Владимира: теперь церковь не была уже безнадѣйна! Подчинивъ въ своемъ уставѣ еще нѣкоторые преступки вѣдѣнію церкви, каковы напр. поджогъ, семейная воровства и убийства онъ за всѣ преступленія назначилъ денежныя пени, а за нѣкоторыя—аресты въ церковномъ домѣ, какъ напр. за несоблюденіе цѣломудрія дѣвицами и вдовами; пени взимались большею частію въ пользу церкви, по иногда, когда на судѣ участвовали и представители княжеской власти, „наполы“ съ княземъ. Вооруживъ церковь правомъ взимать денежные штрафы, Ярославъ подкрѣпилъ ее еще постояннымъ и энергичнымъ содѣйствиемъ со стороны княжеской власти: оно выражалось или въ томъ, что въ важныхъ случаяхъ вельможи—князя участвовали на церковномъ судѣ, пользуясь въ такомъ случаѣ и половиною штрафа въ его пользу, или въ томъ, что они, какъ это было въ Византіи, наказывали виновныхъ послѣ церковного суда; въ послѣднемъ случаѣ церковь судила, брала штрафъ, а „князь казнилъ“. Само собою разумѣется, что церковь, облеченнная еще и материальной силой, особенно цѣнимой въ то грубое время, могла оказать теперь большее воздѣйствіе на общество и въ частности на семейную жизнь.

Дальнѣйшимъ приложеніемъ Номоканона къ русской жизни было „Церковное правило“ митрополита Иоанна II (1080—1086), служившее отвѣтомъ на вопросъ къ нему Іакова Черноризца. Въ немъ онъ, на основаніи церковныхъ правилъ, мнѣній отцевъ церкви и собственныхъ соображеній, даетъ отвѣты па

¹⁾ Уставъ Ярослава въ «Сводной лѣтописи» Лейбовича, прилож. № 4, — въ «Исторіи Русск. церк.» Макарія, т. II, прамѣч. 455.

разные вопросы изъ области церковной практики. Здѣсь характерно, между прочимъ, то, что онъ, грекъ, примѣняясь къ обычаямъ русской жизни, вооружается противъ смертной казни за тѣ именно преступленія, за которыхъ полагали ее, какъ мы видѣли, греческіе гражданскіе законы. „Творящихъ волхвованія и чародѣянія, говоритъ онъ, будеть ли то мужъ или жена, вразумлять словомъ, да обратятся отъ зла, если же не обратятся, подвергать наказаніямъ (т. е. „князь казнить“), но не убивать до смерти и не уродовать, что было бы противно духу наказанія церковнаго“¹). Въ правилѣ митрополита Иоанна, въ числѣ другихъ, встрѣчается нѣсколько постановлений и относительно семейной жизни, вызванныхъ ея тогдашними недостатками. Они касаются: сожительства съ двумя женами, многоженства, произвольныхъ разводовъ, невѣнчанныхъ браковъ и нѣкоторыхъ другихъ семейныхъ преступковъ.

Съ XIII в. въ наши кормчія стали вноситься въ качествѣ узаконеній отвѣты новгородскаго епископа Нифонта (XII в.) и другихъ духовныхъ лицъ на вопросы къ нимъ іеродіакона новгородскаго Антоніева монастыря Кирика²). Отвѣты эти касаются разныхъ недоумѣній, часто очень мелочныхъ, ихъ совопросника. „Въ какой, спрашивается напр. онъ, можноходить одѣждѣ?— „Не бѣда, слѣдоваль отвѣтъ, хотя бы въ медвѣжинѣ“.— „А вотъ смерды, что по селамъ живутъ, а къ намъ ходятъ на покаяніе, иные ѳдѣять бѣлокъ и другихъ животныхъ“?— „Не хорошо Ѱсть удавленину, а если не удавленина, то и бѣлку Ѱсть можно“.— „А что, если кто, дитя или взрослый, постучать себѣ въ зубы яйцомъ на Пасху прежде литургіи?— „Если маль, то не бѣда, но совершеннолѣтнему много стучать возбраняй“. Но среди вопросовъ и отвѣтовъ незначительныхъ встрѣчается не мало очень серьезныхъ. Одни изъ нихъ касаются совершенія таинствъ, другіе—суевѣрій и дурныхъ обычаевъ, третья—семейной жизни. Для насъ важны собственно послѣдніе. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ семейной жизни и

¹⁾ Правило митр. Иоанна II, въ «Исторіи Русск. церк.» Макарія, т. II, гл. 5.

²⁾ Отвѣты Нифонта см. тамъ же, т. Ш, изд. 2, гл. V; Хлѣбниковъ, «Общество и государство въ до-монг. періодѣ русской исторіи», т. I, стр. 340—44.

въ XII в.—тѣ же недостатки, что и въ XI: нецѣломудренная жизнь супруговъ, самовольные разводы, сожительства съ рабынями и наложницами. Въ отвѣтахъ епископа эти недостатки или порицаются, или караются.

Таково было церковное законодательство, при помощи которого древне-руssкая церковь созидала христіанское семейство. Законодательство это, какъ видите, было вполнѣ приспособлено къ условіямъ русской жизни и сообразовано съ ея недостатками, слѣдовательно, оно было совершенно національное, какъ и все въ древней Руси, хотя въ основѣ его и лежало законодательство византійское.

Чтобы показать, изъ какого материала приходилось нашей церкви созидать христіанское семейство, а отсюда наглядно представили бы и оцѣнили всю трудность предпринятой ею работы, обрисуемъ здѣсь въ краткихъ чертахъ, типичными словами лѣтописца, строй языческаго семейства. „Имяху бо, говорить онъ о племенахъ русскихъ славянъ, обычай свои и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой правъ“. Похваливъ затѣмъ своихъ любимцевъ полянъ за кроткие нравы, онъ продолжаетъ: „а древляне живаху звѣринскимъ образомъ, живуще скотъски: убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкаху у воды дѣвица жены собѣ. А радимици и вятичи и сѣверъ одинъ обычай имаху: живаху въ лѣсѣхъ, яко же и всякий звѣрь, ядуще все нечисто и срамословье въ нихъ предъ отцы и предъ снохами и брацы не бываху въ нихъ, но игрища между селы: схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жоны собѣ, съ нею же кто свѣщашеся; имаху же по двѣ и по три жены“¹⁾). Изъ этой картины видно, что у русскихъ славянъ не было правильныхъ браковъ, даже въ языческомъ смыслѣ: члены одного рода умыкали дѣвицъ у другого, чтобы не платить обычаго вѣна, т. е. выкупа за невѣсту,—что у нихъ господствовало многоженство,—что въ семье было срамословье предъ отцами и предъ снохами, а вѣроятно и большее безстыдство, какъ объ этомъ можно заключать изъ того, что въ полянахъ лѣто-

¹⁾ «Сводная лѣтопись», Лейбовича, стр. 10.

писецъ хвалитъ „стыденье къ снохамъ своимъ и сестрамъ“, предполагая очевидно, что у другихъ-то племенъ его не было. Но въ этой характеристицѣ языческой семьи нѣтъ еще одной подробности, о которой лѣтописецъ, правда, не говоритъ, но которая сама собой слѣдуетъ изъ его словъ. Онъ, какъ мы видѣли, о нѣкоторыхъ племенахъ замѣчаетъ, что они женъ себѣ умыкали, а о полянахъ въ другомъ мѣстѣ сообщаетъ, что у нихъ умычекъ не было, а ходить „женихъ по невѣсту“ и приносилъ за нее вѣно („заутра приношау, по пей что владуче“); слѣдовательно, славяне женъ себѣ или умыкали, или покупали. Но умыкали ли они ихъ, или покупали, результатъ получался одинаково печальный: жена становилась рабою мужа. Такимъ образомъ рабство жены—вотъ, еще новая подробность въ картинѣ славянской семьи. О безличномъ и жалкомъ положеніи ея у славянина лучше всего свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что она должна была умирать вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, чтобы и въ той жизни продолжать служить ему тамъ, какъ она служила ему здѣсь...

Указанный здѣсь типическія особенности языческой семьи долго еще продолжали держаться въ семейной жизни, когда самая семья по формѣ считалась уже христіанской. Такъ, въ числѣ преступленій умычки упоминаются на первомъ мѣстѣ и въ уставѣ Владимира, и въ уставѣ Ярослава, и въ грамотѣ новгородскаго князя Всеволода-Гавриила, данной имъ св. Софіи (XII в.)¹), и въ грамотѣ смоленскаго князя Ростислава (1150 г.)²). При умычкахъ совершаются тѣ же языческіе обряды, на которые указываетъ Несторъ, „плясанье и бѣсовскія игрища“, о чёмъ мы узнаемъ изъ правила митрополита Иоанна, который говоритъ, что многіе простые люди тогда вовсе не вѣничались, наивно думая, что вѣничаніе нужно только князьямъ и боярамъ, почему они и „поимаютъ жены своя съ плясаніемъ, гуденіемъ и плесканіемъ“³); двоеженство карается уставомъ Ярослава и правиломъ митрополита Иоанна; о пезапонныхъ связяхъ съ наложницами и рабынями свидѣтельствуетъ наивный вопросъ Кирика: „вотъ, владыко, спра-

¹⁾ Грам. Всеволода, см. въ «Исторіи» Макарія, т. II, прим. 467.

²⁾ Грам. Ростислава тамъ же, т. III, 210—41 стр.

³⁾ Тамъ же, т. II, примѣч. 430, правило м. Иоанна 31.

шивалъ онъ, многіе явно наложницѣ держать и дѣтей рождать, „яко съ своею“, а другіе тайно со многими рабынями грышатъ, „которое лучше“? Незаконныя связи въ семье между родичами также продолжали существовать, почему преступленія этого рода съ большою подробностью и перечисляются въ уставѣ Ярослава; рабство жены все еще держалось, такъ какъ этому содѣйствовали и супружество съ рабынями, и умычки, и, наконецъ, вѣками сложившейся взглядъ на женщину. О томъ, что на нее продолжали смотрѣть, какъ на рабу, даже лучшіе люди XI и XII вв., наглядно свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты. Мстиславъ Тмутараканскій, братъ Ярослава Мудраго, во время борьбы съ Редедею (1022 г.), богатыремъ Косожскимъ, согласился на предложеніе послѣдняго кончить войну поединкомъ, при условіи, что побѣдитель беретъ имѣнья, жену и дѣтей побѣженного¹⁾. Статья Русской Правды о вѣдомомъ разбойнику, сложившейся не ранѣе XII в., предписываетъ обществу выдать его на „потокъ“ (изгнаніе) и „разграбленіе“ (конфискацію) князю съ женой и дѣтьми²⁾. Такимъ образомъ даже законодатель не отрѣшился отъ мысли, что жена и дѣти—такая же вещь мужа, какъ и его имѣніе. Господство подобнаго взгляда, при грубости нравовъ и чувственныхъ привычкахъ тогдашняго славянина, сопровождалось чрезвычайно печальными послѣствіями для семейной жизни. Если жена—раба, то съ ней, конечно, нечего и церемониться: таковъ слѣдоваль выводъ изъ него; отсюда—побои и, что еще хуже, постоянные разводы. Хотя церковь строго карала за нихъ,—они продолжались и особенно были часты среди невѣнчанныхъ, какъ менѣе подлежащихъ церковному контролю. Свидѣтельство объ этомъ мы находимъ въ правилахъ митрополита Иоанна. „Тѣхъ, пишетъ онъ, которые безъ студа и безъ срама имѣютъ по двѣ жены вопреки св. вѣрѣ, или даже, безъ благословенія церкви, поимаютъ себѣ много женъ, пущая однихъ и прильпаясь къ другимъ, сначала всячески вразумлять, а потомъ, если не исправятся, считать чуждыми православной церкви“. При-

¹⁾ «Сводная Лѣтопись», изд. Лейбовичемъ стр. 122.

²⁾ Русская Правда, изд. Калачева, Троицкій списокъ, ст. 5.

веденные факты ясно говорятъ намъ, какъ еще сильно было язычество въ христіанской семье!

Теперь посмотримъ, какъ церковь вытѣсняла его оттуда и какъ на развалинахъ семьи языческой создавала семью христіанскую.

Однимъ изъ неблагопріятныхъ условій для дѣятельности церкви въ этомъ отношеніи являлось существование въ русскомъ славянствѣ, такъ называемаго, родового быта. Родовой бытъ, давая преобладаніе старшему родичу надъ младшими, вносилъ этимъ самымъ деспотизмъ въ семейныя отношенія, способствовалъ нравственному принижению личности, которое было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше родичъ отстоялъ отъ главы рода, потому что отношение къ нему послѣдняго уже не основывалось на сильномъ чувствѣ естественной любви; далѣе, родовой бытъ, при скученномъ сожительствѣ родичей, вѣль естественно къ тѣмъ грубымъ патріархальнымъ порокамъ, которые и теперь нерѣдко господствуютъ въ большихъ крестьянскихъ семействахъ; наконецъ, родовымъ бытомъ поддерживались самыя умычки, потому что онѣ совершались безопаснѣе подъ защитою рода... Такимъ образомъ, родовой бытъ содѣйствовалъ живучести язычества въ семейной жизни и въ значительной степени препятствовалъ устроенію ея на христіанскихъ началахъ.

Ко благу церкви, родовой бытъ въ эпоху утвержденія христіанства въ Россіи сталъ уже разлагаться. Признакомъ этого разложения было существование духовныхъ завѣщаній,—о чемъ мы знаемъ изъ договора Олега съ греками,—которые свидѣтельствовали, очевидно, о собственномъ имуществѣ завѣщателя и о правѣ его распоряжаться имъ, чего не могло быть при родовомъ бытѣ, гдѣ имущество разсматривается, какъ принадлежность всего рода и находится въ распоряженіи старшаго родича... Церковь помогла естественному процессу разложения рода и содѣйствовала скорѣйшему высвобожденію семейства изъ подъ его деспотизма. Это она сдѣлала прежде всего своими узаконеніями о родствѣ, въ предѣлахъ котораго запрещались браки¹⁾). Эти узаконенія точно указывали хри-

¹⁾ Профес. Бердиниковъ, «Краткій курсъ церковнаго права». Казань 1888 г., стр. 78.

стіанину, кто его родственники, и кто—чужіе. Всѣ, оказавшіеся въ круга христіанскаго родства, становились не родственниками, чужими, хотя бы они принадлежали къ одному и тому же роду. Такъ церковь сразу отсѣкала отъ рода его отдаленные побѣги и давала имъ возможность въ самостоятельному существованію. По законамъ древне-русской церкви, такими чуждыми роду были всѣ, слѣдовавшіе въ прямомъ кровномъ родствѣ за четвероюродными. Это мы знаемъ изъ правила митрополита Иоанна II (23-го). Онъ четвероюродныхъ (которыхъ называетъ чадами третьихъ братьевъ, т. е. троюродныхъ) считаетъ еще родственниками и потому за браки между ними налагаетъ епитимію, хотя самаго брака не расторгаетъ. Признаніе имъ родственниками даже четвероюродныхъ объясняется прежде всего практикой греческой церкви, которая въ XI в., когда именно жилъ митрополитъ Иоаннъ, даже расторгала подобные браки. Такъ, при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ встрѣчается (1057 г.) случай положительного запрещенія брака въ седьмой степени¹⁾. Съ другой стороны, признаніе родства за четвероюродными могло объясняться и практической мудростью главы русской церкви, который считалъ необходимымъ сдѣлать уступку укоренившейся привычкѣ славянина, жившаго родовыми бытомъ, считать родственниками даже отдаленныхъ членовъ рода; поэтому онъ оставилъ ихъ въ кругѣ родства, но какъ на родственниковъ, налагалъ на нихъ епитимію за вступленіе въ бракъ „для пользы церкви и вѣрныхъ“, какъ говорилось въ правилѣ, т. е. въ назиданіе другимъ, что брачный союзъ между родственниками, даже отдаленными, есть уже грѣхъ...

Разлагая родовой союзъ и высвобождая изъ подъ его вліянія отдаленныхъ родичей, церковь вносила въ то же время глубокія измѣненія въ самый замкнутый кругъ христіанского родства. Измѣненія эти являлись прежде всего какъ естественные послѣдствія уменьшенія рода. При меньшемъ количествѣ родственниковъ, связанныхъ между собою близкою род-

¹⁾ Здѣсь мы только подробнѣе развиваемъ мысль, высказанную проф. Ключевскимъ въ его брошюре: «Содѣйствіе церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка». Отдельный оттискъ изъ «Твореній св. оо.» за 1888 г. кн. 4. Стр. 17—19.

ственою связью, естественно ослаблялся прежний деспотизмъ старшихъ въ отпѣніи къ младшимъ; чувственная распущенность родичей, имѣвшая мѣсто въ прежнемъ родѣ, сдерживалась теперь естественнымъ инстинктомъ, не допускающимъ связей между близкими; умычки, съ уменьшениемъ рода, естественно становились не такъ безопасными, какъ прежде и потому поневолѣ должны были совершаться рѣже. Таковы были великія послѣдствія отъ приложенія христіанского законодательства о родствѣ къ родовому быту.

Эти послѣдствія церковь дѣлала еще болѣе великими, еще болѣе благодѣтельными какъ при помощи своего ученія вообще, такъ и при помощи цѣлаго ряда положительныхъ узаконеній.

Всѣ родственники, по христіанскому ученію, суть христіане, одинаково искупленные Божественною кровью Спасителя, поэтому всѣ должны любить другъ друга не потому только, что они—родственники, но и потому, что они—христіане. Поэтому любовь стала заповѣдью; нелюбовь, деспотизмъ—грѣхомъ. Такимъ образомъ, христіанская церковь сокращенiemъ родственного союза ослабляла родовой деспотизмъ старшихъ въ родѣ, а своимъ ученіемъ о любви дѣлала его преступленіемъ. Но вмѣсть съ ученіемъ о любви церковь проповѣдавала обузданіе страстей, нравственную чистоту, признавая проявленіе чувственности грѣхомъ; слѣдовательно, ослабляя родовую безнравственность уменьшеніемъ рода, она еще болѣе ослабляла ее своимъ ученіемъ о грѣховности чувственности... Семейная жизнь, по учению церкви, должна основываться на взаимной любви мужа и жены, которые добровольно соединяются для высшихъ нравственныхъ цѣлей—воспитывать будущихъ чадъ церкви; отсюда языческій обычай умычекъ, ослабѣвшиі отъ самаго уменьшенія рода, ослабѣвалъ еще болѣе оттого, что объявлялся грѣхомъ и преступленіемъ... Такимъ образомъ, создавая свой христіанскій союзъ родственниковъ вмѣсто языческаго рода, церковь вносila въ него нравственные начала христіанской любви и чрезъ это уже самое производила оздоровленіе семейной жизни.

Но зная слабость человѣческой природы, церковь не могла ограничиться однимъ нравственнымъ вліяніемъ на семейный бытъ и поэтому, съ самаго начала своего утвержденія на

Руси, стала перестраивать его на основаніи положительныхъ законовъ. Въ нихъ на первомъ мѣстѣ она поставила борьбу съ умычками, какъ съ обычаемъ, лежавшимъ въ основѣ языческаго брака. Она опредѣлила наказывать ихъ гражданскими карами, при содѣйствіи княжеской власти. Въ этомъ отношеніи наша церковь могла видѣть для себя образецъ въ практикѣ византійской: тамъ похищенія женщинъ наказывались также при помощи свѣтской власти и наказывались притомъ очень жестоко. По Прохирону Василія Македоняпина, или по Закону градскому, всякий, похищающій жену, или обрученную, или вдову, даже свою обрученницу, если похищеніе произошло съ оружиемъ, „мечемъ мучится“, тѣмъ, которые содѣйствовали похитителю, „носы да урѣжутъ“. Похищеніе безъ оружія наказывалось отсѣченіемъ руки у виновнаго, а содѣйствіе ему—тѣлеснымъ наказаніемъ, остріженіемъ въ знакъ позора и изгнаніемъ изъ страны¹⁾). У пасъ умыканіе наказывалось денежнымъ штрафомъ, величина кото-раго сообразовалась съ происхожденіемъ умыкаемой: такъ, если она была боярская дочь, виновный платилъ ей 5 гривенъ золота „за срамъ“ и епископу 5 гривенъ золота; если она была дочь меньшихъ бояръ, ей гривна золота и епископу столько же; если она была дочь добрыхъ людей, то ей и епископу 5 гривенъ серебра; „а на умычицѣхъ по гривнѣ серебра епископу, а князь казнить“. Большая часть штрафа, какъ видно изъ текста статьи, шла въ пользу епископа—потому очевидно, что умычка рассматривалась законодателемъ, какъ преступленіе преимущественно церковное...

Запрещая умычки, церковь вводила на ихъ мѣсто правильный бракъ съ словоромъ и обрученіемъ—римского происхожденія. Онъ состоялъ у древнихъ римлянъ въ томъ, что отецъ невѣсты торжественно обѣщалъ жениху выдать за него свою дочь, а женихъ торжественно клялся взять ее за себя; иногда, впрочемъ, словоръ устраивался чрезъ посредство другихъ и даже посредствомъ письменныхъ сношеній. Словорный договоръ сопровождался обмѣномъ подарковъ между женихомъ и невѣстой. Отъ римлянъ словоръ перешелъ въ византійское законо-

¹⁾ Боричая гл. 49. Законъ градскій, грань 39, гл. 40.

дательство и утвержденъ тамъ Эклогой Льва Исаврянина и Прохирономъ Василія Македонянина. Сговоръ или гражданское обрученіе производится, по этимъ законамъ, письменно и словесно; переговоры ведутъ отцы молодыхъ людей, но съ ихъ согласія. Впрочемъ, какъ и въ Римѣ, ихъ можно было вести и чрезъ уполномоченныхъ. Обрученіе сопровождается обмѣномъ предбрачныхъ даровъ, которые въ нашей Кормчей называются „залогами обрученія“. Дары, въ случаѣ нарушенія договора, или пропадаютъ, если договоръ нарушилъ давшій дары, или возвращаются вдвойнѣ, если договоръ нарушилъ получившій ихъ. Вмѣстѣ съ названными законами эти узаконенія о сговорѣ вошли въ наши кормчія¹⁾.

Рядомъ съ гражданскимъ, въ восточной церкви существовало издавна и церковное обрученіе, которымъ церковь хотѣла придать первому нравственное освященіе и крѣпость. По мысли церкви, обрученіе, благословленное ею, должно быть неразрывно, какъ самій бракъ; поэтому IV вселенскій соборъ объявилъ прелюбодѣемъ того, кто возьметъ обрученную другому при его жизни (пр. 98); поэтому же тотъ, кто вступалъ по смерти обрученной ему невѣсты въ бракъ, считался второбрачнымъ²⁾. Свѣтское византійское правительство съ теченіемъ времени признало взглядъ церкви на неразрывность обрученія, освященнаго ею; это оно выразило въ узаконеніяхъ Льва Философа, государя конца IX и начала X в., и особенно въ такъ называемой „Золотой буллѣ“ императора Алексія Комнина, изданной въ 1084 г. По этой буллѣ, обрученіе, благословленное церковью, считалось неразрывнымъ какъ бракъ; церковное обрученіе должно было совершаться пресвитеромъ и состоять въ чтеніи молитвъ и пѣніи священныхъ пѣснопѣній, въ обмѣнѣ брачными кольцами и брачнымъ поцѣлуемъ; оно должно было происходить отдельно отъ брака, по крайней мѣрѣ не въ одинъ и тотъ же день и часъ, потому что обрученіе и бракъ—два совершенно различные дѣйствія. Булла Алексія Комнина, вошедшая въ наши кормчія,³⁾ узаконила и у насъ чинъ

¹⁾ Кормч. гл. 49: Законъ градскій, грань 1, 2, 3. Гл. 50. Леона царя и т. д. гл. 4, зачатокъ 1.

²⁾ Бердниковъ, «Кратк. курсъ церк. права», § 58.

³⁾ Гл. 43 Кормчей.—Новая заповѣдь царя Алексія Комнина.

обрученія согласно, конечно, византійскимъ требникамъ. Только требование буллы совершать его отдельно отъ вѣнчанія у насъ не выполнялось: въ русской церкви онъ совершался и отдельно и вмѣстѣ—по желанию брачущихся, на что есть указаніе и въ современныхъ требникахъ: „аще убо хотятъ въ той же день вѣнчаться, говорится тамъ, входять въ храмъ“. Однообразный порядокъ единовременного совершения обрученія и вѣнчанія послѣдовалъ только съ изданіемъ синодскаго указа въ 1775 г.

Какъ по византійскимъ законамъ при обрученіи требовалось согласіе брачущихся, а „не совѣщающу сыну или дщери, подъ властію отчею сущема не бываетъ объ нихъ обрученіе“¹⁾, такъ и въ нашихъ старо-церковныхъ законахъ проводится мысль о добровольномъ согласіи ихъ на бракъ; по крайней мѣрѣ она высказывается относительно девицъ. Такъ, въ уставѣ Ярослава одинаково считаются подлежащими суду епископа („епископу въ винѣ“) отецъ и мать, какъ въ томъ случаѣ, если „дѣвка всходитъ замужъ“, а они не выдадутъ ее, такъ и въ томъ, если она не хочетъ, а они ее выдадутъ. На практикѣ, конечно, это правило въ большинствѣ случаевъ не соблюдалось, особенно въ виду раннихъ браковъ, когда, напр., невѣста бывала 8 лѣтъ, а женихъ 10²⁾; но важно было то, что оно было признано въ принципѣ, торжественно провозглашено закономъ, послѣ чего осуществление его въ жизни становилось уже не болѣе, какъ только вопросомъ времени. Уже за одно это русская женщина должна быть обязана вѣчной благодарностью церкви.

Правильный бракъ, прошедшій стадію словора и обрученія, церковь заканчивала вѣнчаніемъ. Такъ отсель христіанскій бракъ долженъ былъ замѣнить языческую умычку!

Но чтобы прочно укрѣпить его среди новыхъ христіанъ, церкви нужно было долго еще вести борьбу съ тѣми языческими понятіями и обычаями ихъ, которые явно противорѣчили христіанскому ученію о бракѣ. Такъ, по христіан-

¹⁾ Кормчая, 49. Законъ градскій, грань 1-я, гл. 7.

²⁾ Всеволодъ III Юрьевичъ выдалъ въ 1187 г. дочь свою Верхуславу за Ростислава Рюриковича, одного изъ южныхъ князей, когда ей было 8 лѣтъ, а сына своего женилъ, когда ему было 10 лѣтъ.—Хлѣбниковъ, 166.

скому учению, бракъ есть духовный союзъ, освящаемый церковю для совмѣстной жизни во Христѣ и для христианского воспитанія дѣтей; между тѣмъ недавніе язычники совершенно не понимали высокаго значенія брака и жили безъ вѣнчанія, при чёмъ одни дѣлали это по невѣжеству, другіе—чтобы прикрыть невѣнчаннымъ бракомъ умычку, треты—чтобы не связывать бракомъ своей чувственности и произвольно мѣнять женъ, „пушая однихъ и прилѣпляясь къ другимъ“, какъ выражался митрополитъ Іоаннъ въ своемъ правилѣ. Само собой разумѣется, что церковь не могла допустить такого пренебрежительного отношенія ихъ къ своему таинству и должна была постараться вразумить ихъ мѣрами строгости, если не ради ихъ собственной пользы, то по крайней мѣрѣ къ назиданію другихъ. Съ этою цѣлью она стала наказывать живущихъ въ невѣнчанномъ бракѣ, поступая при этомъ, какъ всегда, съ мудрою осмотрительностью¹). Такъ, однихъ, которые не вѣнчались по невѣжеству или по боязни обнаружить похищеніе жены, она, по правилу митрополита Іоанна (31), карала епитиміей, какъ блудниковъ; но другихъ, которые невѣнчаннымъ бракомъ хотѣли только дать себѣ свободу грѣшить, она наказывала отлученіемъ отъ церкви—по правилу того же митрополита (15).

Далѣе, христианскому учению о бракѣ противорѣчилъ почти повсемѣстно державшійся языческій обычай двоеженства. Церковь и съ нимъ должна была вступить въ борьбу—во имя христианской идеи о единоженствѣ, а следовательно и во имя семейнаго счастья своихъ членовъ. По уставу Ярослава, всѣхъ, кто двѣ жены „водитъ“, она карала штрафомъ въ 40 гриненъ въ пользу епископа, приказывая вторую жену отбирать въ домъ церковный; если же оштрафованный будетъ мстить за это первой, законной женѣ, будетъ „лихо водитью, то казнию казнить его“. Правило митрополита Іоанна, кроме того, наказывало двоеженца и церковнымъ наказаніемъ—лишеніемъ причастія²). Караж двоеженство, какъ наличный фактъ, церковь въ то же время старалась не допускать новыхъ случаевъ его. Такъ, по тому же уставу Яро-

¹) «Исторія» Макарія, т. II.

²) «Исторія» Макарія, т. II, примѣч. 430, прав. 5 и 6.

слава, если мужъ „оженится иною женой, со старою не роспustився“, т. е. вздумаетъ такимъ образомъ держать двѣ жены, то онъ „епископу въ винѣ“; кромѣ того, молодую жену онъ долженъ выдать въ домъ церковный, а со старою жить.

Рядомъ съ двоеженствомъ, въ русскомъ обществѣ того времени существовало другое зло,—подобное ему, которое также мѣшало христіанскому браку проявить въ немъ свои благодѣтельныя послѣдствія. Зло это—наложничество. Оно коренилось въ рабствѣ, которое и доставляло главнымъ образомъ контингентъ незаконныхъ женъ нашимъ князьямъ и боярамъ. Наложничество было язвой семейной жизни; но церковь, къ сожалѣнію, не могла вступить въ рѣшительную борьбу съ нимъ, съ одной стороны потому, что оно срослось съ бытомъ общества и, следовательно, нужно было передѣлать этотъ послѣдній, чтобы уничтожить зло, а съ другой потому, что оно распространено было между князьями и боярами, затрагивать которыхъ было не всегда безопасно. Но церковь по крайней мѣрѣ рѣшительно осудила его. На извѣстный вопросъ Кирика, что лучше: открыто ли жить съ наложницами, или тайно грѣшить съ рабынями, епископъ Нифонтъ отвѣчалъ: „не добро рече, ни се, ни оно“. Такъ, конечно, смотрѣли на это печальное явленіе и другіе наши пастыри, а лучшіе люди общества, въ родѣ напр. Владимира Мономаха, Андрея Боголюбскаго, Всеволода III и др., послушно внимали голосу ихъ и своимъ примѣромъ доброй семейной жизни поучали другихъ... Значитъ, съ указаннымъ зломъ церковь боролась главнымъ образомъ вліяніемъ нравственнымъ.

Наконецъ, чтобы сдѣлать христіанскій бракъ прочной основой семейной жизни, церкви нужно было уничтожить въ обществѣ языческій обычай произвольныхъ разводовъ. Это сдѣлано было уставомъ Ярослава. По опредѣленію его, мужъ за разводъ съ женой безъ вины ея, если это былъ бояринъ, платилъ ей „за срамъ“ 5 гравенъ золота, епископу столько же; если простой человѣкъ—меньше, а „князь казнилъ“; за разводъ самовольный, хотя бы и съ наличиемъ вины, платилось 12 и 6 гравенъ, смотря потому, разводилась ли вѣнчальная жена, или невѣнчальная. Запрещая разводъ произвольный,

основанный на чувственной прихоти мужа, церковь узаконяла вмѣсто него разводъ законный, допускаемый въ важныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Случай эти въ уставѣ Ярослава указаны слѣдующіе: 1) когда жена не откроетъ мужу своему замысла, слышанного ею отъ другихъ, про царя или князя; 2) когда совершить прелюбодѣяніе; 3) когда имѣеть умыселъ на своего мужа; 4) когда будетъ ходить пить, ъѣсть и спать къ чужимъ; 5) когда начнетъ ходить по игрищамъ безъ воли мужа. Но болѣзнь не должна служить причиной развода: „если въ женѣ лихъ недугъ будетъ, или слѣпота или долгая болѣзнь, про то ее не пустити“; также и жена должна поступать относительно мужа.

Карая умычки, невѣнчанные браки, двоеженство, наложничество, произвольный разводъ, церковь этимъ самимъ обезпечивала торжество въ семейной жизни христіанскому браку, который вносилъ въ нее вмѣсто чувственной распущенности правильное и благословенное сожительство, вмѣсто вражды, порождаемой соперничествомъ женъ и наложницъ, тѣсный союзъ, въ которомъ жена являлась и единой матерью, и единой хозяйствкой, и единой подругой-совѣтницей. Значитъ, торжество христіанского брака въ семействѣ было вмѣстѣ и возвышениемъ въ немъ женщины. Вотъ великий и благодѣтельный результатъ борьбы церкви съ остатками язычества въ строѣ семействомъ!...

Но женщина—созданіе слабое, а въ то время и тѣмъ болѣе, какъ недавно вышедшее изъ рабства, чтобы она могла сама, безъ посторонней помощи, поддерживать свое вліятельное положеніе въ семействѣ, естественно созданное ей христіанскимъ бракомъ; поэтому церковь взяла на себя истинно материнскую заботу въ теченіе всей ея семейной жизни ограждать и ея нравственную чистоту, и ея отчасти гражданскую равноправность съ мужемъ, столь необходимыя для ея авторитета въ жизни семейной и вообще въ домашнемъ быту. Скажемъ нѣсколько словъ и объ этой дѣятельности церкви на благо русской женщины, а слѣдовательно и русской семьи.

Въ то время женщина, вступая въ семейство, попадала въ болѣе или менѣе обширный кругъ родичей, потому что тогда были сильны еще преданія и остатки родового быта.

И сразу, какъ только она вступала въ него, надъ ней водвралась тяжелая опека рода: свекра, свекрови, мужа, деверя и т. д. и т. д. Христіанство, правда, сглаживало деспотизмъ родичей и своимъ нравственнымъ вліяніемъ и самымъ уменьшениемъ рода; но все же онъ долго и тяжело обрушивался на беззащитную женщину, такъ какъ вѣковыя привычки исчезаютъ, какъ извѣстно, не сразу. Но положеніе молодой женщины въ многочисленной семье того времени становилось еще хуже отъ другого обстоятельства—отъ неумѣнья первобытныхъ людей сдерживать свои чувственные инстинкты, вслѣдствіе чего ея нравственная чистота подвергалась нерѣдко испытанію. Церковь и здѣсь ей явилась на помощь и оградила ея цѣломудріе отъ посягательствъ свекра, деверя и др. родичей большими денежными пенями отъ 30 до 100 серебряныхъ грошей. Узаконенія на этотъ счетъ содержатся въ уставѣ Ярослава.

Ограждая нравственную чистоту женщины въ семействѣ, церковь въ то же время поддерживала здѣсь ея нравственную и гражданскую равноправность. О нравственной равноправности ея съ мужемъ, какъ христіанки, она постоянно проповѣдывала по Писанію, читая тамъ слова Спасителя о томъ, что Богъ „мужа и жену сотворилъ ихъ“, что они „одна плоть“ и т. п. (Ме. XIX, 3—9; Мрк. X, 2—12; 1 Кор. VII гл.), вслѣдствіе чего считала страннымъ языческій взглядъ на жену, какъ на существо поганое. Поэтому-то на вопросъ Кирика: можетъ ли священникъ служить, когда женскій платокъ будетъ вшитъ въ его одежду, епископъ Нифонтъ и отвѣчалъ полу-насмѣшиливо: „можетъ, ибо чѣмъ погана жена?“ Но древне-русская церковь хорошо понимала, что одного провозглашенія принципа равноправности въ то время было слишкомъ недостаточно, чтобы поднять значеніе женщины въ семействѣ, поэтому она рѣшилась подвѣрпить нравственную равноправность равноправностью гражданской, основанной на законѣ. Съ этою цѣлью она рѣшилась сдѣлать жену участницей въ части мужнина имѣнія.

Первую попытку къ этому мы видимъ въ уставѣ Ярослава. Здѣсь жена наравнѣ съ мужемъ является оберегательницей семейнаго имущества, выставляется такой же хозяйкой, какъ

и онъ. Поэтому, напр., если мужъ что кралъ изъ домашняго добра: ленъ, конопли, женское платье и под., онъ платилъ штрафъ епископу и князю „на-полы“, очевидно за то, что нарушалъ имущественные интересы жены; точно также и жена, если что крала, штрафовалась подобнымъ же образомъ, потому что нарушала интересы мужа. Итакъ, по мысли законодателя, оба они—какъ бы совладѣльцы, оба устроители общаго семейнаго гнѣзда. Отсюда само собой слѣдуетъ, что законодатель разсматривалъ жену не какъ рабу мужа, не какъ даже работницу въ его домѣ, а какъ дѣятельную, заинтересованную хозяйку въ созиданіи ихъ общаго имущества... Но разъ она была возвышена изъ рабы въ хозяйку, было уже дѣломъ справедливости признать за ней право на часть того имущества, о которомъ она такъ много заботилась. Въ этомъ признаніи она не нуждалась, пока была полной хозяйствкой, но она въ немъ нуждалась, когда становилась беспомощной вдовой. Это-то право, которое логически вытекало теперь изъ ея новаго положенія, созданнаго ей уставомъ Ярослава, и признала за ней Русская Правда. По Русской Правдѣ, вдова признается обладательницей особой части, получаемой єю изъ имущества мужа. Эта часть — ея полная собственность: „что ей даль мужъ, говорить Правда, съ тѣмъ же ей сѣдѣти, а матеря часть не надобѣ дѣтамъ“. Этую часть она можетъ завѣщать имъ по произволу: „кому мати дастъ, тому же взяти; дастъ ли всѣмъ, а вси раздѣлять“. Кромѣ того, мать, какъ бывшая участница въ устроеніи имѣнія, имѣла право жить во дворѣ мужа и дѣти не могли согнать ее: „если дѣти не пожелаютъ держать ее, а она начнетъ всяко хотѣти и сѣдѣти, то творити всяко волю (т. е. ея), а дѣтемъ не дати воли“. Она, наконецъ, если дѣти были малолѣтни, признавалась опекуньшней ихъ; только когда выходила замужъ, она передавала дѣтей и ихъ имущество ближайшему родственнику ихъ¹⁾.

Облекая жену въ роль хозяйки какъ бы *de jure* и надѣляя ее правомъ наслѣдованія, русская церковь могла, конечно, поступать при решеніи этого вопроса, слѣдя однимъ только собственнымъ соображеніямъ; но вѣроятнѣе всего, она под-

¹⁾ Русская Правда, изд. Калачева, Троиц. списокъ, ст. 88, 93, 95, 96.

чинилась въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, указаніямъ византійскаго гражданскаго законодательства, только приспособляя его, по обычаю, къ условіямъ русской жизни. По византійскому законодательству, напр., по Эклогѣ Льва III¹⁾, жена, приносявшая обыкновенно мужу приданое, являлась полной обладательницей его, какъ при мужѣ, такъ и послѣ его смерти; у насъ она сдѣлалась только хозяйствкой въ распоряженіи имуществомъ мужа и собственнымъ вѣномъ, потому что церковь не хотѣла, очевидно, колебать уставившагося у славянъ главенства мужа въ семье; но зато по смерти мужа она, какъ и византійская вдова, являлась полной обладательницей своей законной части. Подобное же решеніе разсматриваемаго вопроса мы видимъ и въ договорѣ Олега съ греками (начало X в.): здѣсь жена получаетъ самостоятельную часть также только по смерти мужа. Значить, церковь и общество, дѣйствуя несомнѣнно подъ однимъ и тѣмъ же византійскимъ вліяніемъ, пришли къ одному и тому же решенію вопроса о наследованіи женою имущества мужа; разница только въ томъ, что церковь обставила нѣкоторыми гарантіями роль ея, какъ хозяйки, и подробнѣе изложила права ея, какъ наследницы.

Итакъ, жена въ христіанскій періодъ стала полноправной хозяйствкой, наследницей и опекунышей! Эти новые титулы, ею полученные отъ церкви, слишкомъ много говорятъ сами за себя, чтобы намъ еще распространяться здѣсь о великомъ значеніи послѣдней для русской женщины и русской семьи...

Но мы совершили бы грѣхъ противъ русской церкви, если бы не выставили здѣсь еще одной великой заслуги ея въ устроеніи семейной жизни. Выше было упомянуто о наложницахъ—рабыняхъ и при этомъ замѣчено, что церковь ничего юридически не могла сдѣлать для уничтоженія незаконнаго сожительства съ ними; но если она мало сдѣлала въ этомъ отношеніи, то много зато сдѣлала для нихъ самихъ и ихъ несчастныхъ дѣтей. По византійскому закону²⁾, пльница, ставшая „яко женою“ свободнаго, получала свободу за

¹⁾ Кормчая гл. 50 Леона царя и пр. Зачатокъ 3, гл. 2. Зачатокъ 11, гл. 2. Зачатокъ 2-й, гл. 7.

²⁾ Кормчая гл. 49. Законъ градск., гр. 5, гл. 4; грань 34, гл. 12.

самый союзъ съ нимъ; точно также чужая раба, выданная замужъ за свободнаго, становилась свободной; наша церковь не хотѣла нарушать владѣльческихъ правъ господина покойнъ жилъ,—какъ это мы видѣли и въ вопросѣ о наслѣдствѣ,—но послѣ его смерти раба и дѣти ея, отъ него прижитыя, становились свободны: „аще будутъ рабы дѣти у мужа, говоритъ Русская Правда, то наслѣдства имъ не имати, но свобода имъ съ матерью“¹⁾). Но основываясь на грамотѣ Всеволода-Гавріила новгородскаго, можно думать, что незаконныя дѣти получали и наслѣдство, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, где дѣйствовала грамота. Изъ нея видно, что тогда нѣкоторые жили незаконно съ третьей и четвертой женой²⁾); этими женами были, конечно, рабыни, но тѣмъ не менѣе князь признаетъ право дѣтей ихъ „на прелюбодѣйную часть въ животѣ“, т. е. имущество ихъ отца³⁾). Давая свободу и даже обезпеченіе (послѣднее можетъ быть и не вездѣ) рабынямъ съ дѣтьми ихъ, церковь совершила разомъ два благодѣянія: она очищала и законную семью отъ незаконныхъ отпрысковъ, вносившихъ, безъ сомнѣнія, только смуту въ семейную жизнь, избавляла и ихъ самихъ отъ позора и прениженія.

Въ заключеніе бросимъ взглядъ на пройденный нами путь и обозримъ въ общихъ чертахъ все, сдѣланное русскою церковью для устройства христіанской семьи. Въ самомъ началѣ этого пути мы видѣли, что она разложила языческій родовой союзъ на дробныя части и этимъ сразу ослабила многіе его недостатки; мы видѣли далѣе, какъ она уничтожила умычку и на мѣсто ея ввела христіанскій бракъ, устранивъ дѣлымъ рядомъ мѣропріятій главнѣйшія препятствія къ водворенію и укрѣпленію его въ семейной жизни; потомъ мы видѣли, какъ она проникла въ семью, оградила здѣсь нравственную чистоту женщины и подняла ея значеніе закономъ о наслѣдствѣ; видѣли, наконецъ, какъ она освѣтила темный грѣ-

¹⁾ Русская правда изд. Калачева, Троицкій списокъ, ст. 92.

²⁾ Третій бракъ тогда не дозволялся. См. правило митр. Ioanna II. 17.

³⁾ Такое именно пониманіе этого мѣста грамоты кн. Всеволода мы основываемъ на толкованіи его проф. Ключевскимъ въ ст. «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи». Русская Мысль 1886 г. кн. 7-я, стр. 8—9.

ховный уголъ семьи и вывела оттуда на свободу прениженнюю рабу и ея дѣтей...

Этими заботами ея создана была русская благочестивая семья, съ благочестивой женой и матерью, воспитательницей христіанскихъ дѣтей; а чрезъ семейство она перевоспитала весь русскій народъ, положивъ на него такую религіозную печать, что православіе сдѣлалось его національнымъ отличиемъ. Такъ, благодаря усилиямъ церкви, Русь языческая превратилась въ Русь православную!

Изъ сказаннаго нами видно, что русскій народъ есть по преимуществу питомецъ церкви; поэтому союзъ съ ней для огромной массы его является и доселъ—и внутренней потребностью, и національнымъ знаменемъ, такъ какъ и доселъ онъ можетъ мыслить себя не иначе, какъ „православнымъ“. Изъ этой исконной связи народа съ церковью, какъ воспитанника съ своею матерью-воспитательницей, естественно вытекаетъ исторический урокъ для каждого русскаго: оставаться въ тѣсномъ союзѣ съ нею, не разрывать связей съ духовною жизнью народа и этимъ поддерживать національное титло „православнаго“, памятая, что этому союзу Россія обязана цѣлымъ рядомъ великихъ подвижниковъ, великихъ церковныхъ и гражданскихъ дѣятелей и неоднократнымъ спасеніемъ въ минуты національныхъ бѣдствій. Пусть же церковь и теперь, какъ было въ древней Руси, останется нашей матерью-воспитательницей, а мы, какъ древне-русскіе люди, останемся покорными ея чадами! Но съ особенной преданностью должна относиться къ ней русская женщина, обязанная ей вдвойнѣ: и свѣтомъ православія, и своимъ теперешнимъ положеніемъ, до котораго она возвысилась изъ состоянія рабства. Пусть она помнить, что переходъ между столь противоположными состояніями она совершила подъ руководствомъ и защитою церкви ¹⁾.

Дм. Вышеслѣсскій.

¹⁾ Окончаніе будетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки